Любовное чтиво

Автор:
Павел Басинский

Любовное чтиво

Павел Валерьевич Басинский

Павел Басинский, автор бестселлеров о Льве Толстом, написал новую книгу, определив ее жанр как «роман-фейк». Это роман-игра, пародия, головоломка, где каждая новая глава опровергает предыдущую. И в то же время это искусная психологическая проза. Писатель Иннокентий Иноземцев, гордец и женофоб, неожиданно для себя принимается за любовный роман. В это время в его жизни происходит настоящий любовный роман с запутанной интригой… Содержит нецензурную брань!

Павел Басинский

Любовное чтиво

Все персонажи этой книги, включая собачку Лизу, существуют на самом деле.

Выражаю сердечную благодарность поэту,

прозаику и журналисту Екатерине Барбаняге

за поддержку и советы во время написания романа.

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!

Я – не муж, не жених твой, не друг!

Так вонзай же, мой ангел вчерашний,

В сердце – острый французский каблук!

Александр Блок

Пролог

Кажется, это было в 2012 году. Или позже? В общем, дела давно минувших дней. Почему же спустя целых семь лет (или больше?) я так часто вспоминаю эту историю?

Может, в ней что-то про меня?

Нет, это не про меня.

Совсем не про меня…

В тот прекрасный весенний вечер я выпил, поругался с женой и пошел в парк зализывать душевные раны. По дороге свернул в «Пятерочку», купил фляжку водки «Флагман» и ириски «Meller» (кто еще не знает, отличный закусон для одинокого пьянства на природе), расположился на лавочке у пруда, огляделся – никого нет – и, как крыловская ворона, собрался уж…

– Вы разрешите?

Черт побери! Откуда он нарисовался? Я замечал его и раньше. Мы гуляем в парке в одно и то же время, непоздним вечером. Я обдумываю свои авторские колонки для разных изданий и электронных порталов. Пытаюсь поиграть во фрилансера, хотя мне это не слишком удается. Он гуляет с розовой коляской и

маленькой собачкой на тонком, как провод, поводке с автоматической подачей расстояния. Ирландский шпиц, у которого не хватает левой передней лапки. Он (или она?) так трогательно скачет впереди хозяина, тявкая на всех, кто к нему приближается… Охранник!

Мужчина в возрасте, но еще не старик, с заметной проседью в волосах и особенно в небольшой бороде, но не седой, моложавый и с той фактурной красотой подчеркнуто мужественного лица, которая отличает, как правило, не самых талантливых актеров. Благодаря его необычной собачке я и обратил на него внимание – сначала на фигуру, а потом на лицо. Лицо меня поразило! На меня смотрели глаза абсолютно счастливого человека. Это был взгляд постаревшего князя Мышкина или Папанова в советском фильме «Приходите завтра…», в котором, если помните, известный скульптор-конъюнктурщик, испытав творческий кризис и душевно переболев, встречается с героиней в трамвае, и у него такое же счастливое лицо… идиота. Скульптор отказался от гордыни и понтов советского селебрити, но что он будет делать с собой дальше – непонятно.

– Присаживайтесь, – говорю, стараясь не показать в голосе явного недовольства.

– Благодарю, – говорит. – Простите, все скамейки заняты.

Сидим… Молчим… Он иногда машинально качает коляску.

– Внучка? – спрашиваю.

Улыбается:

– Мару-у-ся!

Ему приятно произносить это имя.

Выпить ужасно хочется. Но не при нем же? И уходить неловко – поймет, что недоволен его соседством.

Мужчина достает из кармана куртки книжку формата pocketbook и начинает читать. Краем глаза замечаю ее название: «А другой мне не надо». Вероятно,

что-то серийное, из любовного чтива. Странный интерес для мужика в его возрасте!

– Вы не смущайтесь, – вдруг говорит он. – Выпивайте на здоровье! Меня вы этим точно не шокируете.

Откуда он знает, что у меня во внутреннем кармане ветровки водка?!

Кажется, я понял. Рыбак рыбака видит издалека. Протягиваю ему фляжку.

– Нет-нет! – говорит он. – Я с этим давно покончил. Но вас понимаю, так что не стесняйтесь!

А я и не стесняюсь. Когда выпью, то становлюсь немного развязным.

– Кто вы? – спрашиваю.

– Был писателем, – говорит он.

– Это как? На пенсию, что ли, вышли?

– Вроде того.

Кажется, мне знакома его внешность. Но откуда?

– Иннокентий Иноземцев, – представляется он.

– Неужели тот самый?

– Нет – совсем другой.

Он постоянно улыбается, и это начинает меня раздражать.

Он это замечает.

– Извините! Да, тот самый. А бывший – потому что больше ничего не пишу.

– Творческий кризис? Понимаю-понимаю!

Он морщится, но улыбаться не перестает.

– Просто не вижу в этом никакого смысла.

– Понятно.

На самом деле ничего не понятно, но молодой старик с просветленным лицом идиота становится мне все интереснее. Иннокентий Иноземцев когда- то был литературной звездой. Поговаривали даже, что ему прочили Нобелевскую премию. Потом исчез с горизонта, как это происходит сегодня со многими авторами, не способными писать по книге в год.

– Вы счастливы? – спрашиваю. – У вас такое лицо…

Он смеется.

– Да-да, я вас понимаю! Я похож на идиота? Наверно, так оно и есть.

– Так это внучка?

– Нет, дочь! Мару-уся!

– А где, извините, ее мама? – нагло спрашиваю я. – Что-то я ни разу не видел ее в парке.

Он наклоняется над коляской и что-то поправляет.

– Наша мама занята, – с серьезным видом говорит он. – Она очень деловой человек. Не то что мы с Марусей и Лизой.

– А Лиза – это кто?

Он кивает на собачку, которая сидит рядом с нами и преданно смотрит на хозяина глазенками-маслинами.

– Слушайте, – говорю. – Мы не торопимся, и каждый занят важным делом. Расскажите вашу историю.

– Да-да… – охотно соглашается он.

Собачка прыгает к нему на колени.

– Устала, Лизанька? – ласково говорит он и гладит ее по шерстке. Лиза зажмуривает глазки.

Он достает из коляски не слишком толстую папку с обычными тесемками и передает мне.

– Вот, – смущенно говорит он, – ношу ее с собой уже целый месяц и все не решаюсь выбросить. Найдет какой-нибудь дурак и будет смеяться. Мне все равно, а все-таки неприятно. А вы как-никак начинающий писатель. Поймете…

– С чего вы взяли, что я писатель?

– Ну, рыбак рыбака… Это, впрочем, даже и не роман, сам-то роман я давно уничтожил.

– Сожгли – как «Мертвые души»?

– Зачем? Нам, Гоголям, с этим сейчас гораздо проще. Есть на компьютере такая клавиша Delete – не замечали? В будущем советую и вам почаще ею пользоваться.

– Но рукопись сохранили.

– Я же сказал, это не роман. Это записки к нему. Роман я уничтожил, а записки зачем-то оставил на память. Подумал: а вдруг пригодятся? Но поскольку писателем я быть перестал и вряд ли когда-то вернусь к этому занятию, записки мне уже не нужны. Читайте, если это будет вам интересно. Только одно условие

– никаких копий и публикаций!

– Договорились.

– Еще одно условие. Прочитав записки, вы поделитесь со мной своими впечатлениями.

– Слушаюсь, маэстро!

– О, мои девочки совсем замерзли, – вдруг озабоченно говорит он, сам при этом поеживаясь. – Нам пора домой. До встречи, несчастный вы мой!

– Почему несчастный? – обижаюсь.

– А разве бывают счастливые писатели? Дай вам бог как можно скорее избавиться от этой дурной болезни.

– Послушайте, – говорю я, – а вы, случайно, не сумасшедший?

– Нет-нет! – говорит он. – Именно сейчас я абсолютно здоров.

Бережно снимает собачку с колен и с важным видом катит коляску к выходу из парка.

Открываю папку.

Предисловие

Я – Иннокентий Иноземцев. Я писатель и, следовательно, скучный человек. Это только в кино современные писатели изображаются бонвиванами, острословами и баловнями судьбы, обвешанными гроздью влюбленных женщин. Они важно вылезают из шикарных авто, а из карманов их дорогих пиджаков вместе с листами черновиков сыплются и разлетаются по ветру крупные купюры. Нельзя понять, когда эти щеголи находят время что-то писать, потому что они всегда

среди поклонниц.

Итак, я – скучный человек… Но история, которая приключилась со мной в 2010 году (дата важна, запомните ее!), была не только не скучной, но… лучше бы она была поскучнее.

В это время я писал любовный роман. Зачем я, серьезный писатель, это делал? Не знаю. Решил попробовать себя в жанре. Попробовал. Это оказалось очень трудно. Гораздо труднее, чем писать нетленки.

Роман у меня не получился. Дело в том, что я не люблю женщин. Не то чтобы я их специально не любил, а просто не люблю, как, например, не люблю пиццу. Не подумайте, что я гей. С этим все в порядке. Но женщин не люблю. Как факт бытия.

Одновременно я вел эти записки. Они писались сами собой, потому что в жизни моей в это время происходили какие-то удивительные вещи, которые я не мог себе объяснить.

Несчастный роман я уничтожил, а записки оставил. В единственном распечатанном виде. Вот они. Может, кто-нибудь поймет, что это было? Если это кто-то когда-то прочитает.

Правило трех Б

Мне почти каждую ночь снятся горы. Непрерывно повторяющийся сон мучает меня двадцать лет, один в один.

Ослепительно-белый цирк[1 - Котловина в горах в виде амфитеатра, замыкающая верхний конец ледниковой долины. – Здесь и далее примеч. авт.], похожий на гигантскую антенну-тарелку, вроде тех, что устанавливают на дачах, только больше в сто тысяч раз. Или на зеркало мегателескопа в горах Чили. Но это не Чили, а Кавказ. Ничто во сне не говорит об этом, я просто знаю, что это – Кавказ. Эту картинку я вижу с высоты птичьего полета, испытывая приятное головокружение и легкость в теле от парения в небесной вышине. Но я

не птица, я – человек. Когда я поворачиваю голову, то вижу свои руки и ноги, распластанные в полете, как у парашютиста, у которого еще не раскрылся парашют. Я чувствую и слышу, как парусит капюшон пуховой куртки, натянутый на голову и схваченный металлической кнопкой на подбородке. На мне темные очки, потому что без них я ослепну от снежной белизны. Солнце в зените. Оно знойно палит, но не согревает снег, иначе снег бы расплавился и ринулся водопадом в весеннюю долину, которую я тоже вижу отчетливо, включая пастуший балаган у ручья…

Цирк начинается от ледника и упирается в горный хребет. В хребте – небольшая седловина. Это перевал, на который я должен подняться во что бы то ни стало. Дело в том, что я не только наверху, но и внизу. Я вижу себя в виде крохотной темной точки. Такие бывают в фарфоровых тарелках – вкрапления песчинок, оставшихся в белой глиняной массе перед формовкой. Их не замечаешь годами, но, однажды заметив, не можешь не обращать на них внимания. Они раздражают, как всякое нарушение идеала. В полете я не могу рассмотреть себя близко, но знаю, что я иду на перевал. А идти мне туда нельзя, смертельно опасно!

Впрочем, об этом знает я-верхний, а я-нижний не знает. Все мое существо стремится к нему, чтобы крикнуть, предостеречь! Я загребаю руками воздух, как плавают собаки, отталкиваюсь ногами, как лягушка, и мне удается немного спуститься вниз и приблизиться к самому себе, но встречный поток воздуха подхватывает меня и бросает еще выше…

Картинка мгновенно меняется, как в калейдоскопе. Я один в пастушьем балагане – временном жилище из дикого камня. Лежу на низких нарах, сооруженных из тонких бревен и устланных сухим мхом. Гудит печка-буржуйка, но не согревает меня. Бьюсь в ознобе, сучу ногами, пытаясь выбраться из поглотившего меня морока. Балаган маленький, три на три метра, но мне почему-то кажется, что в нем обитает немыслимое количество живых, а на самом деле давно уже мертвых существ. Они кричат истошными жалобными голосами, словно просят о чем-то, а иногда мне кажется, что их просто режут на куски. Но не это мне страшно.

Мне страшно другое. Страшно оттого, что я сплю и знаю, что это сон. Как выбраться из него, как проснуться? А если я никогда не проснусь? И тогда я тоже начинаю кричать. Я кричу, но не слышу своего крика. Зато слышу грудной ласковый девичий голос: «Успокойся! Успокойся! Это всего лишь сон!»

Поворачиваю голову и вижу рядом с собой желтый череп с пустыми глазницами, обрывками серой кожи и длинными волосами, сухими и жесткими, как прошлогодняя трава. Просыпаюсь от своего же крика. Подушка мокрая, хоть выжимай.

Сегодня был в издательстве у генерального. Когда-то мы со Славой учились в Литературном институте на одном курсе. Игумнов был звездой поэтического семинара, но в девяностые годы забросил поэзию и с головой ушел в книжный бизнес. Настойчиво звал туда и меня. Слишком настойчиво, из чего было понятно, что сам он в своем решении не был уверен.

– Я ничего не понимаю в бизнесе, – отнекивался я.

– А сейчас никто в нем ничего не понимает, – убеждал меня Игумнов. – Именно поэтому у всех примерно равные шансы.

Я колебался, но в конце концов соскочил. И правильно сделал. Слава, конечно, разбогател, но в него и стреляли. Однажды он проявил излишнюю жадность и отжал маленькое издательство у бывшего партнера. Бизнес, ничего личного. Но у издателя оказалась беременной молодая жена. Он занервничал и нанял киллера. К счастью, недорогого, на настоящего профессионала денег пожалел. Незадачливый убийца был с похмелья, руки дрожали, и он промахнулся. Оба, заказчик и исполнитель, естественно, сели. Слава проявил благородство и поддерживал беременную жену сидельца. Кажется, даже забирал из родильного дома.

Игумнов мне приятен. Успешный, амбициозный, не топчется на месте и смотрит в будущее. Пять лет назад он со скандалом покинул крупнейший книжный холдинг и, как говорит, замутил свое издательство принципиально нового типа. Что это такое, я плохо понимаю, потому что вообще ничего не понимаю в бизнесе. Но название издательства говорит за себя – «BE», то есть по-русски – БЫТЬ. Полностью – «Book Entertainment».

Идея, с одной стороны, проста. Слава убежден, что читатель не хочет больше интересоваться серьезными душевными проблемами выдуманных героев, а вот обманываться по-прежнему рад. Поэтому к черту всю так называемую

настоящую литературу, и пора окончательно уходить «в жанр».

Но не в этом главная фишка.

Слава считает, что в условиях экономического кризиса и падения интереса к чтению нужен другой подход к схеме отношений «писатель – издатель – читатель». Что-то в ней необходимо поправить, перестроить, как меняют цепочки ДНК и редактируют гены для создания новых организмов. Слава придумал идею, которую держит в глубокой тайне, но при этом открыто говорит, что готовит настоящую революцию в отечественном и мировом книгоиздании. Еще он говорит, что не просто издает и продает книги, но создает новую популяцию писателей, которые со временем вытеснят остальных писателей. Последние вымрут, как ящеры и мамонты. Его бывшие компаньоны уверены, что Слава блефует и элементарно пиарит свое издательство. Но, зная Игумнова, не исключаю, что они ошибаются.

На двери его кабинета табличка «Без откатов не входить!». На стенах друг против друга висят Хемингуэй и Че Гевара. Свой отпуск Слава проводит на Кубе без жены.

– Почему не Майорка, не Канарские острова? – как-то спросил я.

– Это банально.

– Венеция, Барселона?

– Банально. И потом, я люблю не места, а людей.

Знаем мы этих людей. Знаем, какими красотками славится Куба и на какой мед летят на этот остров богатые папики…

Слава сама любезность. Угощает меня коньяком, роскошная молодая секретарша готовит настоящий кубинский кофе.

– Кеша, – говорит Слава, демократично отхлебывая благородный напиток из простой кружки с надписью «Nescafe». – Не буду с тобой темнить. Твои тиражи стремительно падают. Твоя серия «В поисках утраченной памяти» морально

износилась. Мы, конечно, заключим с тобой новый договор на прежних условиях, но, возможно, он будет последним. Не обижайся! Я бы вообще не обсуждал с тобой этот вопрос, не будь ты моим другом.

– Заметь, – возражаю я, – не я придумал серию с пошлым названием под Марселя Пруста.

– Но разве критики не называют тебя вторым Прустом? – удивляется Слава.

– А ты веришь критикам? Ты не в Америке, старичок.

– Неважно, – говорит Слава. – Это бизнес. Серийные книги расходятся лучше, чем книги-одиночки. Название – это просто условность.

– Вы сажаете читателя на серийную иглу, а потом удивляетесь, что он к этому наркотику привыкает и зелье перестает на него действовать.

– Это бизнес, ничего личного.

– И что ты мне предлагаешь?

– Придумай новый наркотик.

– Я писатель, а не фармацевт.

– Слышал, ты ушел от Тамары? – спрашивает он. – Говорят, у тебя новая девушка? Недурна собой?

Другому я бы врезал за это в челюсть, но со Славой у меня дружеские отношения.

– Ну да, – говорю я равнодушным тоном, – пригрел одну симпатичную журналисточку. Странно, что о нас с ней уже ходят слухи.

Слава пожимает плечами.

– Что тут странного? Ты звезда, это в порядке вещей.

Молча пьем кофе. Слава смотрит на меня, пытаясь понять, насколько серьезно я вляпался. Славу просто раздирает мужское любопытство.

– Смотри, – наконец говорит он, – не лоханись со своей журналисточкой, как Сэлинджер.

– Хорошо, – говорю я, – давай поиграем в купца и товар. Что сейчас расходится лучше всего?

Слава опять пожимает плечами.

– Как и во всем мире… Фэнтези, детективы, любовные романы.

– И что ты мне предлагаешь?

– Ты серьезно? – смеется он. – А хочешь сигару?

– Ты знаешь, что я не курю.

Слава встает, подходит к бару и возвращается с коробкой сигар.

– Сигара – это не курение. Сигара открывает чакры, а тебе это сейчас необходимо. Если, конечно, ты не стебаешься.

– Что ты, я серьезен, как кот перед кастрацией.

Слава достает сигару и отрезает кончик специальной машинкой, похожей на маленькую гильотину.

– Не возражаешь, я раскурю тебе сам? – говорит он с лукавым видом. – Это не так просто, как кажется.

– Валяй.

– Рекомендую опустить попку в коньяк.

– Чего?!

Слава хохочет.

– Не свою попку, Достоевский! Опусти кончик сигары в коньяк.

– Она же потухнет.

Слава просто заливается смехом. Сообразив, окунаю кончик сигары в бокал с коньяком и делаю глубокую затяжку, как делал школьником, когда пытался курить, но мне не понравилось. Горло обжигает едкий дым и проникает до самых легких.

– Забыл тебе сказать, – невозмутимо комментирует Слава, – сигарами не затягиваются.

– Пошел к черту!

– Будем считать, твои чакры открылись. Ты знаешь Ш.?

– Зануда из зануд. Воображает себя новым Набоковым!

– Что ж, он имеет на это некоторое право. Может, он и есть новый Набоков. Только без «Лолиты».

– Что ты хочешь этим сказать?

– Набоков стал знаменит, когда написал «Лолиту». Иначе остался бы скучным писателем, которого никто бы не читал.

– Слышал это не один раз. Спорное утверждение.

– Бесспорное. Но обидное для писателей вроде тебя и Ш. Что-то меня сегодня тянет на откровенность… Ты же в курсе, что твои и его книги никто не читает?

– Что за ерунда?

– Возможно, я не совсем точно выразился. Кто-то читает, конечно. И даже убеждает себя, что ему это нравится. Но главное, он убеждает других…

– Не понимаю.

– Ты прекрасно понимаешь меня, Иноземцев, но не хочешь себе в этом признаться. Вокруг тебя и Ш. существует заговор эстетов. Рудиментарное наследие культурного совка. Нашим людям все еще нравится казаться умнее, чем они есть, вот они и выбрали вас в качестве идолов, которым приносят свои жертвы.

– Не сравнивай меня с Ш.! Не знаю, кто его там читает или не читает, но я читать его не могу.

– То же самое он говорит о тебе.

– Да пошел он в жопу…

– Ты меня не выдашь? – пугается Слава. – Мне незачем портить с ним отношения. В отличие от тебя он глуп и обидчив. Знаешь, почему я вспомнил о нем? В девяностые годы Ш. приходил ко мне. Я тогда сидел не в этом офисе, а в съемной квартире на проспекте Энтузиастов. Мы с компаньоном делали бабло на порнухе, чернухе и прочих непотребствах. Книжный бизнес по обороту сравнялся с водочным и был такой же криминальный.

– И зачем Ш. к тебе приходил?

– Тогда писателям вроде вас стало туго. Это в тучные годы читатели вспомнили, какие они умные, и вы снова вошли в моду. В общем, Ш. приходил сдаваться. При этом он был нагл и агрессивен. Не по- мню в точности, что он мне говорил, но примерно так: «Слава, до зарезу нуждаюсь в бабле, так и быть, готов на тебя поработать, но под псевдонимом. Заказывай свою хрень!»

– Забавно, – говорю я, – у тебя есть книги Ш. под псевдонимом?

– М-да… – говорит Слава. – Видно, твои чакры не до конца открылись. Ни одной книжки Ш. под псевдонимом не вышло. Ты серьезно думаешь, что работать «в жанре» проще простого?

– Разве нет?

– Знаешь, что здесь самое трудное? Любовь к читателю! Со всеми его пороками, со всем его невежеством и любопытством. И даже со всей его глупостью, как вы считаете, хотя этот читатель не глупее вас. Вот этой любви нет в тебе и Ш. У тебя же каждая строчка вопит: «Я – Иннокентий Иноземцев!» Ты требуешь любви к себе, а сам своего читателя не любишь. Ты вообще кого-нибудь любишь?

– Что-то такое я уже слышал, – отвечаю я. – «Вы любили кого-нибудь, поручик?» Я тебя понял. И что ты мне предлагаешь?

– Придумай что-то в своем стиле, но только свеженькое. Покопайся в недрах своей памяти. Наверняка там осталось что-то, что тебя сильно удивит. Если удивит тебя, удивит и читателя.

Слава дымит сигарой как паровоз, окутывая себя и меня ароматным облаком, а моя – потухла и воняет, вызывая тошноту. Я пытаюсь заглушить эту вонь коньяком, но мне кажется, что и от него несет потухшей сигарой.

– Кстати, – продолжает гнуть свое Слава, – эта девочка… Чем она тебя так зацепила? Ты изменился. Ты стал слабым. Пропускаешь удар за ударом. Раньше ты не был таким.

– Да нет. Просто плохо выспался.

– О! Тогда я тебя очень понимаю!

– Ты совсем оборзел, Игумнов! – уже всерьез возмущаюсь я. – Но, если уж ты так интересуешься, я тебя разочарую. У меня с этой девушкой ничего не было и не будет. Я пригласил ее… в качестве литературного секретаря.

– Врешь. Зачем тебе секретарь?

– Ну, не знаю. Может, не секретарь, а литературный агент.

– А знаешь, ты прав, – подумав, говорит Слава. – В самом деле, пора прекращать эти панибратские отношения с издателями. Вот хрен тебе теперь, а не коньяк и сигары. Это все наше русское свинство. Но какой из нее агент? Ее никто не примет всерьез, и я же первый.

– Между прочим, она уже работает у тебя консультантом.

– Да ты что?

– В редакции у Пингвиныча.

У Славы отваливается челюсть.

– Что? Викуся живет с тобой?

– Вот как? Для тебя она просто Викуся?

– Нет-нет! – спешит поправиться Слава. – Это не то, что ты подумал. Во-первых, я не завожу романы на территории своего бизнеса. Тут все должно быть стерильно. Во-вторых, Виктория не такая. Приставал к ней один наш сотрудник. Кстати, я его уволил. Так она как бы случайно уронила ему на штаны чашку с горячим чаем. Заметь, не на колени, а прямо на яйца! Яркая девушка. Мне кажется, у нее большое будущее. Если, конечно, ты не испортишь ее своим непробиваемым занудством. Уверен, что Вика, в отличие от тебя, напишет свой любовный роман и это будет бомба! Берегись, Иннокентий Иноземцев, ты пригрел змею на груди!

– Ты мне надоел! – снова возмущаюсь я. – Познакомь-ка меня с этим Пингвинычем.

– Это дело, – соглашается Слава. – Он тебе понравится. Профессионал высочайшего класса!

– Все вы здесь высокие профессионалы. Только мы, писатели, ни хрена не смыслим в литературе.

– Не нуди. И все-таки – зачем тебе Варшавский?

– Пойду сдаваться. Буду писать любовный роман.

– Хорошая идея! Ты уже знаешь правило трех Б.?

– А что это?

– В любовном романе не должно быть трех Б. Бани, блядства и беременности. Баню (ну, ты понимаешь, в каком смысле) и блядство ненавидят женщины, а беременности боятся мужчины. Мужчины, кстати, тоже иногда читают любовные романы.

Мы с секретаршей Игумнова идем по коридору. Ее зовут Вера. А ничего себе Верунчик! Топ-модель! Сошла с обложки журнала «Elle». Такое же нездешнее лицо, походка. Кажется, Игумнов слегка преувеличивает стерильность своего бизнеса.

Коридор напоминает бесконечную кишку со множеством стеклянных дверей. Отвратительный принцип: сотрудники должны быть на виду. А ведь почти все они – девушки и женщины. Сидят, уткнувшись в мониторы. Замечаю: многие что-то жуют, кто – банан, кто – яблоко, кто – бутерброд. Это нервное. Еда создает иллюзию независимости личного пространства.

– Скажите, Вера, а вы любите любовные романы?

Мой вопрос застает ее врасплох.

– Почему вы так решили?

– Одна моя знакомая сказала, что все женщины любят любовные романы, но не все в этом признаются.

– Я люблю любовные романы, – с вызовом говорит Вера. – Но не хочу, чтобы это знал Вячеслав Олегович.

Лев Львович Варшавский встречает меня у дверей своей редакции. Он и правда похож на пингвина – полный, в черном глянцевом пиджачке с оттопыренными фалдочками, застегнутом на одну пуговицу на круглом животике. Обе руки прижаты локтями к бокам и протянуты мне для приветствия.

– Иннокентий Платонович! – оперным тенором поет он. – Какая честь! Ах, какая честь!

Внутренне я морщусь, но внешне – улыбаюсь. Мне необходимо наладить с ним контакт.

Варшавский усаживает меня в глубокое кожаное кресло, а сам едва присаживается на край другого. Молчит и смотрит мне в глаза, словно я изреку сейчас что-нибудь эпохальное. «Все счастливые семьи похожи друг на друга».

– В вашей редакции, – говорю я, – работает одна молодая сотрудница. Мне рекомендовали ее как секретаря. Не могли бы вы дать ей свою характеристику?

– Вы о Викусе?

Проглатываю Викусю не поперхнувшись. Едва ли этот толстый евнух способен на что-то в своем гареме…

– Ах, Иннокентий Платонович! Это безупречный выбор! Хотите отнять у нас лучшего работника? Впрочем, я вас понимаю. Очень талантливая девушка! Запредельное IQ!

Мы болтаем с ним еще полчаса. Мы говорим о технологии любовных романов. Ничего особенного, объясняет он. Рецепт прост. Не должно быть много героев, чтобы не забивать читательницам мозги. Он и она. Она сексуальна, он чертовски сексуален. Она хочет его с самого начала, но не сразу признается даже себе самой. Самое главное, говорит Варшавский, чтобы женщина так или иначе доминировала над мужчиной. В конечном итоге это он должен быть слабым, а она сильной. Причем это будет проявляться даже в сексе. Упаси вас бог изобразить ее сексуальной рабыней, даже если она и есть сексуальная рабыня. Рабом должен стать он, а не она. И неважно, кто это – султан, ковбой, бизнесмен или тренер футбольной команды. Важно, чтобы у него был плоский мускулистый

живот, мужественное лицо и хорошая стрижка. Женщины от него без ума, и поначалу он относится к героине свысока, но потом становится ее пленником. Она и сама безумно его любит, но не показывает этого и на протяжении всего романа остается для него полнейшей загадкой. Нельзя сразу начинать с секса, должна быть томительная прелюдия. Женщины это любят, в отличие от нас. Секс должен быть подарком с ее стороны. Однако в какой-то момент она может почувствовать себя униженной, брошенной. Это женщины тоже любят в небольших дозах. Но самое главное: в любовном романе должен быть счастливый конец. Это закон, который нельзя нарушать.

– И все, что вы издаете, пишется по этому рецепту? – изумляюсь я. – Но это же так скучно!

– Скучно, Иннокентий Платонович! – вздыхает Пингвиныч. – Однако, если вы думаете, что написать любовный роман элементарно, вы глубоко ошибаетесь. Нужен талант, чтобы по одному рецепту каждый раз приготовить что-то новое.

Пленница султана

В гостиной горит приглушенный свет. Вика в короткой маечке и трусиках, надев наушники, танцует ко мне спиной у зеркального шкафа-купе. Шкаф занимает всю противоположную от входа стену комнаты, что при первом осмотре квартиры-студии показалось мне удачным решением: есть иллюзия двойного пространства. Но сейчас мне кажется, что гостиная похожа на тренировочный танцпол. В зеркале я с грустью вижу серое лицо пожилого мужчины и ее детское личико с закрытыми глазами. Оригинально – танцевать у зеркала с закрытыми глазами!

Танцуя, Вика самозабвенно повторяет одно и то же движение. Плечики – вверх-вниз, головка – направо-налево, попа – налево-направо, соломенные волосы скачут с одного плечика на другое. Это глупо и смешно, но почему меня это так заводит?

Главное, не знаю, как поступить. Тронуть ее за плечо? Испугается. Чего доброго, брякнется в обморок. Не нахожу лучшего, как сесть в кресло и глядеть на нее.

Уверен, что Вика нарочно кривляется передо мной. И так же нарочно разгуливает по моей квартире в нижнем белье. Хотя я просил ее носить халаты.

– Ненавижу халаты! – говорит она, капризно надувая губки. – У них вечно застиранный вид. Кстати, когда мы купим стиральную машину? Ты забываешь, что уже полгода живешь не один, а с молодой женщиной.

– Какая ты женщина, Вика? – шутливо возражаю я. – От горшка два вершка. Ой, извини, я хотел сказать, у тебя молоко еще на губах не обсохло…

Наконец она громко вскрикивает, будто бы только что заметив мое появление, выключает музыку и поворачивается с гневным лицом.

– Это – подло!

– Что именно?

– Ты не имел права за мной подсматривать! Я ведь почти голая!

– Прости! Нужно было сразу дать пинка по твоей толстой попе?

– И совсем она не толстая!

– А какая же?

– Красивая!

Щурит на меня каштановые глаза…

Мы пьем на кухне чай.

– Был у Варшавского.

У Вики изумленное лицо.

– Ты шпионишь за мной?!

– Ты не поверишь, дорогая, – говорю я, – но иногда я захожу в издательство по своим делам, а не только для того, чтобы узнать, как ты льешь горячий чай на штаны сотрудников. Ты знаешь, что Игумнов уволил этого несчастного?

– Ничего, – мстительно произносит Вика, – не будет трогать меня сзади за мочку уха.

– Вика! – укоризненно говорю я. – Бедного парня уволили только за то, что он трогал тебя за мочку уха?

Она наклоняется ко мне через стол.

– Это моя самая эрогенная зона, чтобы ты знал. И он, скотина, это понял.

– Ну ладно, – равнодушно говорю я, – но Игумнов-то чего так возбудился?

– Ясен пень, – таким же равнодушным тоном отвечает она. – Потому что Игумнов влюблен в меня по уши.

– Скажи, есть на свете мужчины, которые в тебя влюблены, но хотя бы не по уши? Или совсем не влюблены?

– К сожалению, есть один… – вздыхает Вика.

– Кто же этот бесчувственный идиот?

– Это ты!

– Ну разумеется…

– Как тебе наш Пингвин Пингвиныч?

– Неглуп и добряк. Лестно отзывался о тебе как о профи. При этом разрешает поработать у меня секретарем.

– Щедро с его стороны. Но я еще подумаю…

– Куда ты денешься? В общежитие? К горячим кавказским парням?

– О-о! – смеется Вика. – А ты ревнивый, папик!

– Не смей называть меня папиком! – свирепею я. – Папики содержат молодых дурочек за постель, а ты не берешь у меня ни копейки. Кстати, на какие деньги ты покупаешь себе одежду?

– О-о! – смеется Вика. – На что только не пойдет девушка из бедной семьи, чтобы женить на себе богатого мужчину.

– Мужчина – это я?

– Серьезный вопрос, – задумчиво произносит она, – но я еще не нашла на него окончательного ответа.

Сегодня один – ноль в ее пользу.

– Знаешь, – почти не шутя говорю я, – когда- нибудь я убью тебя, но суд меня оправдает.

– Это почему?

– Он сочтет это допустимой мерой самообороны.

Между тем мой ежедневный кошмар продолжается. Он начался месяц назад, потом расскажу – по какой причине. Мы с Викой вслух читаем любовные романы. В роли чтеца-декламатора выступаю я, по ходу чтения высказывая свои замечания. Вика заносит их в свой блокнотик в розовой обложке.

Сегодня у нас – «Пленница султана». Книга американская, перевод ужасный, но Вике нужно написать резюме, от которого зависит, пойдет у Варшавского «восточная» серия или он откажется от нее.

Он сжал ее в объятиях. Губы их встретились. Поцелуй был долгий и страстный.

– Как ты красива, юная пери! – задыхаясь, бормотал он, освобождая ее от одежд.

– Я всего лишь слабая женщина, мой господин, – потупив взор, возражала она.

– Вика, я не могу читать этот бред.

– Не бред, а женская литература.

– Какая еще литература, я тебя умоляю! Это же типичные фантазии сексуально озабоченных домохозяек!

– Что ты имеешь против домохозяек?

– Я не против домохозяек и их сексуальных фантазий. Я против того, чтобы это считалось литературой.

– Читай! Ты мне поклялся, забыл?

– Как же, забудешь… – вздыхаю я.

– Пощади, мой господин!

Он вонзил в нее свой возбужденный ствол, но тут же наткнулся на преграду ее девичества.

– Вика, это за гранью добра и зла.

– Просто ты сексист и женофоб.

– Может, я сексист и женофоб, но какой, к дьяволу, возбужденный ствол? И как можно куда-то вонзить ствол? И ты можешь представить себе возбужденный ствол?

– Это – ты сейчас.

– Спасибо, милая.

– Прости, папик, я не хотела тебя обидеть. Я запишу твое замечание в блокнот? Мне оно кажется важным.

– Да, так и пиши: русский писатель Иннокентий Иноземцев пришел в ярость от возбужденного ствола.

– Я и ты – отличный тандем, папик!

– Не смей называть меня папиком!

– А как мне тебя называть? Кешей, как попугая? Иннокентием Платоновичем? Господином Иноземцевым? Выбирай сам. А пока – читай!

– Послушай, Вика! Не будем размазывать кашу по тарелке, пропустим страниц тридцать и перейдем к тому, ради чего все это пишется.

– Ты этого хочешь?

– По-моему, этого хочешь ты.

Не в состоянии больше сдерживаться, он излился в нее до последней капли, сотрясаясь всем телом.

– Почему женщины, – интересуюсь я, – когда дело доходит до секса, обычно используют это клише: «до последней капли»? Вам непременно нужно, чтобы мы оказались в вас целиком?

– А знаешь, ты прав, – неожиданно легко соглашается Вика. – Я тоже это заметила. Можно запишу в блокнот?

Ее лицо становится задумчивым.

– Как ты думаешь, папик, – говорит она, – может, это в нас что-то материнское?

Я сижу в кресле, Вика напротив меня на диване в своей классической позе, поджав коленки к голове и положив на них подбородок. Со стороны это так уютно! Но однажды я попытался посидеть в такой же позе, и через минуту у меня страшно заныли спина и затылок. Видимо, скелет женщин как-то по-другому устроен.

– У меня такое странное чувство, – говорю я, – будто я эту «Пленницу султана» уже когда-то читал. Хотя точно не читал.

– Это прапамять, папик, – авторитетно заявляет Вика. – В одной из прежних жизней ты был падишахом. У тебя было сто наложниц, но ты любил только одну из них. А она тебя ненавидела. Она изображала в постели страстную любовь, но втайне мечтала тебя убить. И вот однажды она пришла к тебе на ложе, спрятав в шароварах острый клинок. И когда ты хотел ею в очередной раз овладеть – чик! – отрезала твое орудие страсти. И ты умер от потери крови.

– Ты добрая девушка! Надеюсь, ее казнили?

– Отнюдь! Ты был плохой падишах, злой и жестокий, хотя не жадный почему-то. Все твои придворные были счастливы избавиться от тебя, и твой преемник эту девушку даже наградил.

– Не понимаю, откуда в тебе эти фантазии?

– Я же говорю: это – прапамять.

– Этой ночью ты стонала во сне.

– Во сне я дико занималась любовью сразу с тремя мулатами. Один из них был блондин и вылитый ты.

– Чушь! Я не мулат и не блондин.

– Я и говорю: ужасно странный был сон.

– И чем же закончился твой странный сон?

– Вдруг потекла кровь! Отовсюду – со стен, с потолка… Весь пол оказался залит кровью!

– Врешь. Начало твоего сна – из фильма «Эммануэль», а конец – из «Сердца ангела».

– Какой ты просвещенный, папик!

– Не смей называть меня папиком!

– Если честно, мне снилась мама.

– Прости… Почему ты не хочешь познакомить меня с ней?

– Потому что этого не хочешь ты…

Девочка продолжает думать и одновременно поправляет подол длинной ночной рубашки, натягивая ее на коленки.

– Я говорил тебе, чтобы ты не разгуливала передо мной в белье? Я же не хожу перед тобой в нижнем белье.

– Я тоже не хожу. И это не нижнее белье. Это baby- doll из чистого шелка. Просто ты этого не замечаешь.

Вика вскакивает с дивана и начинает вертеться передо мной, демонстрируя свою ночнушку.

– Это нынче не модно, – замечаю я. – Ночнушки не носят современные девушки, их носят восьмидесятилетние старушки.

– Что ты говоришь! А что носят современные девушки?

– Ну, какие-нибудь сексуальные пижамы с шортиками.

– Ты это видел? Где?

– В Караганде.

Ее лицо вдруг становится грустным.

– Это не babydoll, как я тебе соврала, – признается она. – Это мамина ночная сорочка. Но это правда чистый шелк. Она мне всегда так нравилась, что я выклянчила ее себе еще девочкой. Сначала она была мне велика, и я выглядела в ней смешной. Папа надо мной смеялся. Но сейчас она мне в самый раз, ты не находишь?

Прыгает мне на колени, тыкается мокрым носом в ухо и шепчет:

– Папик, почему ты со мной не спишь?

– Не смей называть меня папиком!

– Иннокентий Платонович, почему вы со мной не спите?

– Во-первых, – говорю я, – быстро вернись на свое место.

– Я тебе не собака, – обижается Вика.

– Извини… Во-первых, сядь на диван.

Подчиняется.

– Во-вторых, я уже говорил тебе…

– Знаю-знаю! Ты не спишь с детьми. Ты сказал это при нашем первом знакомстве, а потом пригласил меня к себе домой. Скажи, что должна была подумать честная девушка?

– Не то, что подумала ты.

– А что я подумала?

Бросаю книгу на журнальный столик и отправляюсь к себе наверх, в свой кабинет на антресоли. Вика, громко пыхтя, раскладывает диван. Знаю, что через десять минут я услышу ее храп.

Это Вика уговорила меня читать вслух любовные романы, на которые она пишет внутренние рецензии для Варшавского. Она сказала, что висит в редакции на волоске. Редакционные дамы ее просто ненавидят и уверены, что она любовница Пингвиныча. Он ее ценит, но говорит, что, конечно, ей еще не хватает опыта. А я настоящий профессионал, и мои замечания помогут ей и укрепят ее позиции.

– Но почему вслух? – удивился я.

– А как иначе я заставлю тебя это читать? И потом, у тебя такой сексуальный голос!

Что-то здесь было не так, но я согласился. Не знаю, почему я во всем иду этой Вике на уступки?

Кого-то она мне напоминает. Кого?

Девочка с пирсингом

В самом деле – не забацать ли любовный романчик? Тем более что Вика действительно меня кое в чем поднатаскала – низкий ей поклон! Не пойму только, кто из нас чей секретарь?

Но пора рассказать, как я познакомился с Викой. История странная, и я бы сам в нее не поверил, если бы она не случилась в действительности и не изменила бы так круто мою жизнь.

Вика ворвалась… Нет, неудачное слово… Вика нахально, но как-то естественно вошла в мою жизнь полгода назад и успела обосноваться в ней, словно была прописана от рождения…

В квартиру-студию в центре Москвы я влюбился с первого взгляда и снял ее сперва как убежище, куда можно на время сбежать из семьи – от слишком частых скандалов с Тамарой и от слишком выразительного молчания сына Максима, – но вскоре перебрался сюда надолго, если не навсегда. К тому же и мой новый психотерапевт посоветовал сменить обстановку. Тогда-то Вика появилась в моей жизни и поселилась не только в ней, но и в моей уютной берлоге.

Вот ее портрет. Ничего особенного. Прямые соломенные волосы и большие выразительные каштановые глаза. Детское, слегка конопатое у переносицы личико. Узкие плечики. Небольшая, но заметная грудь. Дальше – из другой оперы. Слишком широкие бедра и полноватые ноги. Словно ее слепили из двух женщин. Сверху – Рафаэль, внизу – Рубенс. Сверху – Модильяни, внизу – Ренуар. Кстати, хорошее сравнение, надо бы где-то использовать.

Почему я начинаю с ее тела? Как-то Вика насмешливо сказала мне: «Все вы, мужчины, одинаковы: смотрите в глаза, а лезете под юбку». Она еще ребенок и выразилась неточно. На самом деле мы не обязательно сразу лезем женщине под юбку. Но, конечно, смотрим. Под нее. Даже когда смотрим прямо в глаза.

При этом Вика, пожалуй, сексапильна. Как бы две в одной. Ребенок и зрелая женщина. Это провоцирует мужские фантазии. Не только мои – я заметил, как смотрят на нее другие мужчины. И ей, черт возьми, это небезразлично!

Теперь ее психологический портрет. Тут она для меня полная загадка. Иногда она кажется совсем глупенькой, но это не так. Она неглупа и, пожалуй, остроумна, хотя всегда на грани фола. Она самостоятельна. Принципиально не берет у меня деньги, только на продукты. Неплохо готовит и вообще недурная хозяйка. Поселившись у меня, она через неделю, не спросив моего согласия, выставила за дверь приходящую домработницу с высокой репутацией. Та ушла с выплаченной вперед за полгода зарплатой, оставив на столе записку в стиле домработниц с высокой репутацией:

«Ваша girlfriend заявила мне, что не потерпит в своем доме другую женщину. Когда вы ее прогоните, дайте мне знать. Может быть, я вернусь к вам, но уже на других условиях».

– Зачем ты это сделала? – спрашиваю. – Какое ты имела на это право? Ты не представляешь, во что мне обошлась эта женщина!

– Фу! – фыркает Вика. – Неужели эта старая Тортилла чего-то стоит?

– Не отвечай вопросом на вопрос! – рявкаю я. – Может, ты ревнуешь меня к ней?

– Не знала, что ты любишь женщин, которые не бреют усы.

– Усы? – удивляюсь я. – Не заметил.

– Ты вообще ничего и никого не замечаешь, кроме себя.

– Послушай, Вика, – миролюбиво говорю я, – у меня определенный круг знакомых. В нашем кругу принято нанимать домработниц с высокой репутацией.

– Тебе нужна ее репутация или чистые полы?

– А она плохо моет полы?

– Она моет их шваброй! А посуду – в желтых перчатках, фу!

– А как нужно мыть полы?

– Ручками и тряпкой! И не с гордо поднятой головой, а с высоко задранной попой.

– И ты так делаешь? Хотелось бы взглянуть!

– Даже не мечтай!

Вика никогда не убирается при мне. В выходные она грубо выгоняет меня на час-полтора прогуляться с собакой.

– Но у меня нет собаки!

– Так заведи!

Я не сопротивляюсь. Должен признать, что с появлением Вики моя конура преобразилась в лучшую сторону, а как – не понимаю. Что-то она перевесила, переставила, передвинула, что-то выбросила… И все оказалось на своих местах. При этом у нее хватает такта ничего не трогать в моем кабинете. Но теперь я постоянно ловлю себя на мысли, что мне куда приятнее спускаться с антресоли в гостиную, чем наоборот. Дело в том, что моя студия – не совсем студия. От студии в ней только кабинет на антресоли, откуда видна гостиная. Но есть еще и отдельная спальная комната, и отдельная кухня с закрывающейся дверью. Этим мне квартира и понравилась. Я ненавижу, когда кухня соединяется с гостиной! Они бы еще туалет с ней соединили. С другой стороны, мне нравится, что кабинет не замкнут со всех сторон. Легкая клаустрофобия у меня все-таки наличествует.

– Объясни, как ты это сделала? – спрашиваю.

– У тебя нет пространственного воображения, – говорит она. – Поэтому я не могу читать твои романы. В них слишком много слов, и они расставлены не в том порядке.

– А ты бы их расставила иначе?

– Да! Однажды я так и сделаю!

Мы с ней часто ругаемся.

Когда она в первый раз пыталась от меня уйти, я, не скрою, испугался. Просил ее остаться. Понимал, что выгляжу при этом глупо и жалко, но просил остаться. В это время она собирала мамин чемоданчик. Кстати, почему я решил, что это именно мамин чемоданчик? Наверное, потому, что он старый, с защелкивающимися застежками, сейчас таких не делают. Вика нервно швыряла

на дно трусики и лифчики, чтобы я это видел. Это было наивно и по-детски, но я испугался. Однако выдержал характер, вызвал такси, не спросил адреса и заплатил водителю с запасом вперед.

Ночью я не мог заснуть. Пытался что-то писать, но ничего не получалось. На следующий день я помчался в Центральный дом литераторов и надрался в хлам с одним экс-писателем из Переделкина. Вернулся поздно и увидел Вику сидящей на диване и поглощающей очередной женский роман.

Она уходила от меня трижды, но ни разу не возвращала мне ключи. Хотя, учитывая ее литературные вкусы, это было бы эффектно: бросить ключи мне под ноги и громко хлопнуть дверью. Правда, тогда при возвращении придется звонить в домофон и говорить что-то типа «это я», «пусти» и т. п. Словом, проходит два-три дня, и опять я вижу на диване Вику, читающую очередной любовный роман. Я делаю вид, что ничего не произошло.

У меня нет сомнения, что эта пигалица влюблена в меня. Впрочем, я стреляный воробей и знаю этих современных девочек. Они давно не мечтают о принцах, а хотят сразу заполучить королей. В ее глазах я – король. Мне пятьдесят, что для мужчины не возраст. Я не миллиардер, но и не беден. Смею также думать, что я хороший человек, незлой и неглупый. Я расстался с женой, и хотя не разводился с ней, но это вопрос решаемый. Мой сын уже взрослый. К тому же – и Вика про это знает – у меня есть дорогая недвижимость на Кипре, куда я могу уехать, если в России, как выражаются мои друзья-либералы, рванет. Так что с Викой мне все понятно.

Мне не понятно мое поведение…

Как-то я спросил ее об отце. Почему-то мне это было важно.

– Папа погиб год назад, – тихо сказала она. – Папа был очень добрый, но слабый человек. Вообще это не тема.

Беда в том, что в этой девочке я вижу кого угодно, кроме любовницы. Не случайно я спросил ее об отце. «Он был добрый, но слабый». Это многое объясняет. Она подсознательно видит во мне не только короля, но и отца. Правильного отца. Я живо представляю себе ее покойного родителя. Не вынес испытания девяностыми, потерял заработок, возможно, спился и погрузил семью

в бедность. Погиб в автокатастрофе. «Это не тема». Вика его любила, но ей было стыдно за него. И вот она находит другого «папу». Говорят, девочки подсознательно влюблены в своих отцов. Не знаю, не имел опыта общения с дочерями. Тамара вышла за меня замуж двадцать лет назад (не по любви, а из жалости, но это отдельная история), восемнадцать лет назад родился Максим. Прекрасный парень, умница, гениальный юный программист, у него большое будущее. Но мне всегда хотелось иметь дочь.

Если это так, если Вика нашла папу, с которым можно еще и спать, и это не будет инцестом… Папа и муж в одном лице – это так удобно! Но вот фиг ей!

И все-таки когда же мы с ней познакомились?

В это лето в Москве стояла чудовищная жара. Горели торфяники в Подмосковье, и город заволокло дымом. Дым проникал даже в метро. Я бежал в деревню, в Тверскую область, к жене и ее родителям. Там было более или менее сносно дышать. Мы с тестем ловили лещей на Волге. Несмотря на жару, клев был обалденный, рыба перла из воды. Меня удивляло, что на ощупь рыба была теплой.

Тогда же у меня случился последний неожиданный секс с Тамарой. Хотя я и ушел от нее, но ее деревенские родители об этом не знали. Тамара в коротком халатике принесла мне в мансарду, где я подыхал от полуденного зноя, кувшин холодного морса – щедрый подарок от тещи. Я схватился за вожделенный кувшин и случайно задел рукой бедро жены. Тамара только что пришла из летнего душа и сама была холодная, как черничный морс. Даже какая-то зябкая, вся в пупырышках… И у меня закружилась голова…

Уходя, жена обернулась и насмешливо бросила:

– Ничего у нас не было, Иноземцев, запомни!

– Конечно, – сказал я.

Я был на рыбалке, когда позвонила мой редактор и попросила выступить в книжном магазине. Да, не сезон, да, людям не до чтения. Но именно поэтому

директор требует для выступления звезду. Уговаривать жанровых авторов бессмысленно, все они уехали далеко от московских проблем.

– Выручайте нас, Иннокентий Платонович! Мы не можем ссориться с директорами магазинов.

Сел в автомобиль и отправился в Москву. По дороге попал в пробку. Страшная авария на Ленинградском шоссе, в дыму столкнулись две дюжины машин. В буквальном смысле объезжал трупы, лежавшие на асфальте и накрытые черным целлофаном. Едва не опоздал на выступление. Это не в моих правилах: мужчина, в отличие от женщины, не имеет права на опоздание. «Точность – вежливость королей», – говорил мне отец.

И вот я сижу на импровизированной сцене на втором этаже книжного супермаркета и в этот момент замечаю девочку. Она сидит в центре первого ряда, прямо напротив меня. Она чудовищно одета. Черные колготки в сеточку, широкие бедра обтянуты пошлой красной кожаной мини-юбкой. Майка, явно купленная на Арбате, со слоганом «I Love Russia», где вместо «Love» – красное сердечко. Грудь гордо выставлена вперед, а спина изогнута, как у кошки. Но… такое милое, нежное, детское личико, конопатое у переносицы. Волосы стянуты резинкой на затылке, отчего хвост задорно торчит. Сверху она похожа на мальчишку-индейца, который вышел на первую в своей жизни тропу войны. А внизу… Ну форменная проститутка, другого слова не могу найти. Пялится на меня каштановыми глазищами. Кажется, даже не моргает при этом.

После выступления мы с редактором садимся в кофейне рядом со сценой и говорим о моем новом романе, над которым редактор сейчас работает. Девочка тоже уселась за столик напротив нас и важно заказала стакан воды. И опять этот нагло-обожающий взгляд! Не могу никуда от него деться, не могу и скрыть от себя, что эта особа меня заинтриговала. Ни один нормальный мужчина не может остаться равнодушным, когда на него вот так смотрит юное создание. Догадываюсь, что прием, но прием безотказный…

Расставшись с редактором, сам присаживаюсь к девочке за ее столик.

– Что тебе нужно от меня, чадо? Только не говори, что ты обожаешь мои романы.

– Терпеть не могу, – соглашается она, – а если честно, вообще не читала ни одного.

– Коротко: что тебе нужно?

– Интервью, – говорит она.

Ну вот, все испортила!

– Я не журналистка, – лепечет она, – я только собираюсь поступать на журфак. Но там нужны публикации, а у меня нет ни одной… А если я сделаю интервью с вами – это будет очень круто!

– Назови мне еще одну причину, по которой я соглашусь.

– А, поняла! – говорит она. – Я согласна на любые ваши условия. Хотите, пересплю с вами?

Совсем все испортила!

– Далеко пойдешь, девочка, – говорю я. – Но есть одна маленькая проблема. Я не сплю с детьми.

– Я не ребенок! – сердится она.

Пишу на салфетке свой адрес. Зачем я это делаю?

– Жду завтра в шесть часов вечера. Не опаздывай.

– Значит, все-таки харассмент? – спрашивает она.

– О как! – восхищаюсь я. – Ребенок нахватался умных слов? Кстати, о харассменте… Ты вот хочешь стать журналисткой, то есть писать, а своих же слов не слышишь. Ты не слышишь, как звучит это слово. Как хруст раздавленного таракана.

Каштановые глазищи – хлоп-хлоп!

На следующий день вечером раздается сигнал домофона. Слышу приятный девичий голос:

– Иннокентий Платонович, это журналистка, которая не журналистка. Пришла на интервью.

Смотрю на часы. Ровно шесть вечера – ни минутой раньше, ни минутой позже. Интересно!

Открываю дверь – передо мной стоит скромная девушка в летнем платье, соломенном канотье и без всякого макияжа. Приглашаю ее в гостиную и усаживаю в кресло.

– Холодный чай? Кофе? Вода со льдом?

– Виски со льдом, – нагло говорит она.

– А попа не слипнется?

Однако достаю из бара бутылку Ballantine’s, плескаю в два стакана по тридцать грамм и приношу из холодильника тоник и лед. Она права. Наверное, по жаре будет самое то.

– Whisky on the rocks[2 - Виски со льдом (англ.).], – говорит она.

И опять все портит. Боже, какая дура!

Начинаем интервью.

– Вы любили кого-нибудь…

– …поручик.

– Что?

– Проехали… Следующий вопрос.

– Вам случалось бросать женщин?

Понятно. Девочка из «Каравана историй». А неплохо их дрессируют! Смогла же она пробраться в мою цитадель. Грубо, зато эффективно. Других журналисток, прилично одетых и льстящих мне прямо в глаза, я отшивал. Но с этой дал слабину.

– Лучше расскажи мне о себе. Кто твои папа, мама? Откуда приехала? Какого лешего тебя принесло в Москву?

– Откуда вы знаете, что я не москвичка?

– Трудно ли догадаться.

– Не хотите сначала спросить мое имя?

– Ты назовешься Алисой или Боженой.

– А вам какие имена нравятся?

– Даша, Вика… Маруся.

– Меня зовут Вика.

– Будем считать, что поверил.

– Маму зовут Даша.

– Допустим, что так.

– Два месяца назад мы с Дашей приходили на ваш творческий вечер в Дом журналиста – не помните?

– Почему я должен вас помнить?

– Когда мы брали у вас автограф, вы внимательно на нас посмотрели и сказали: «Как же вы похожи, мать и дочь! Вас просто не различить». Даша была в полном восторге!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Котловина в горах в виде амфитеатра, замыкающая верхний конец ледниковой долины. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Виски со льдом (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/basinskiy_pavel/lyubovnoe-chtivo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити